

Напоминают Ленинград...
Ну, Петербург – не в этом дело...
Юлий Хоменко

Читаю «Эмигрантскую лиру», открываю для себя новых авторов, живущих в разных уголках мира. Как человек, равнодушный к поэзии, более пристальное внимание уделяю поэтическим разделам. И вот, надо же – стихи о Петербурге! Два автора, Екатерина Полянская и Юлий Хоменко, упоминают его в своих строчках. Город, с которым я неразрывно связан.

Спросите, почему Петербург? В детстве я жил на Петроградской стороне Ленинграда. Пять минут по Петроградской набережной – и я стою на палубе крейсера Аврора. В те времена его посещение для детей было абсолютно бесплатно (да, представьте себе!). Ещё пять минут – и я у Домика Петра I. Дальше, конечно, сквер Товстоногова, Троицкая площадь, Петропавловская крепость, Александровский парк...

Сегодня я живу в Беларуси, но ежегодно бываю в Северной столице, также считая её родным городом. Очень радуюсь, когда на литературных фестивалях, встречах и презентациях удаётся встретиться с питерскими авторами. А когда встречаю их стихи на страницах изданий, меня вообще переполняет гордость: ого, наши, родные!

Не так давно лично познакомился с Екатериной Полянской на презентации её книги «Метроном» в Минске. Умеет Екатерина не только писать стихи, но и читать их. Поразили её искренность и проникновенность, качества, которыми обладает не каждый поэт. Можно грамотно составлять слова в рифму, использовать кучу метафор, образов, выделять нужные интонации, но... Если эти слова не всколыхнут что-то внутри меня, не напомнят щемящую радости или грусть, не заставят их перечитать – это не стихи. Точнее, я не считаю

это стихоТВОРЕНИЯМИ, словами, предназначенными мне лично. Екатерина пишет лично для меня, обо мне. О моём Питере.

* * *

Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор,
И, мучительно шурясь, как если бы выпал из ночи,
Понимаешь, что жив, незатейливо жив до сих пор.
То ли в списках забыт, то ли просто – на время отсрочен.
Сунув руки в карманы, по серому насту идешь –
Обострившийся слух выделяет из общего хора
Ломкий хруст ледяной, шорох мусора, птичий галдёж,
Еле слышный обрывок старушечьего разговора:
«...мужикам хорошо: поживут, поживут и – помрут.
Ни забот, ни хлопот... Ты ж – измаешься в старости длинной,
Всё терпи и терпи...» – и сырой городской неуют
На осевшем снегу размывает сутулые спины.
Бормоча, что весь мир, как квартира, – то тесен, то пуст,
Подворотней бредёшь за кирпичные стены колодца,
И навстречу тебе влажно дышит очнувшийся куст,
Воробьи гомонят, и высокое небо смеётся.

С первых строчек я возвращаюсь в Ленинград. Дворы-колодцы (именно в таком я жил), серый наст, ледяной хруст, вездесущий мусор, галдёж птиц и шепоток старушек... Всё в этом стихотворении – правда, всё здесь – искренность Моего города, моих лет. И сырой ленинградский (питерский) неуют с раскисшим снегом вьелся мне под кожу.

Хотя... почему неуют? Каждый день в Петербурге – непредсказуемость для синоптиков и ирония небесной канцелярии. Город дождей, говорите? Эх, значит мало вы его знаете! Вот для меня он – город черничных туч и апельсинового солнца в лазоревом небе, слякотищи в прокисших ботинках и чистого серебристого снега на аллеях зимнего парка. И всё это возможно в один день!

Философия этого стихотворения, на первый взгляд, проста, как питерский день: с утра дождливо и хмуро, к обеду распогодится, а под вечер выглянет солнце и станет совсем тепло. А если большой критической лопатой рыться поглубже? Не про мужиков и старушек оно. Не серое и унылое существование описывает, хотя до последнего столбика – декаданс. Не будь заключительных четырёх строчек, можно было бы обвинить автора в блестяще описанном отвратительном урбанистическом упадничестве настроения. Но... не тут-то было! Екатерина – наша, питерская! Какова последняя строфа! Всё ставит на место: прочь уныние, да здравствует весна, возрождение и упоение жизни! И просто, искренно, проникновенно.

Юлия Хоменко прочёл на страничке «Эмигрантской лиры» впервые. В Вене мне ещё не доводилось бывать, но перекличка её с Петербургом в его коротеньком стихотворении для меня приятна и многозначна.

* * *

Напоминают Ленинград...
Ну, Петербург – не в этом дело –
Имперской выправкой оград
Сады и парки. Здесь сидела
Старуха-кайзерша, играл
Ребёнком кайзер Франц-Иосиф:
В снегу барахтался, орал,
Монарший пальчик заморозив...

Витые ограды Летнего сада, оказывается, сродни Венским. И про пальчики Франца-Иосифа у меня тоже есть параллель. Помню одного маленького мальчика, который зимой также играл под присмотром бабушки (доброй, а не строгой) в Александровском парке и часто терял свои варежки. Пальчикам было холодно, но он не обращал на это внимание. Зима – это же санки, горки, снежки, а не только мороз. Помню, как, вернувшись домой, он долго отогревал руки у батареи и пил чай с малиновым вареньем.

Вырос мальчик. Уехал из родного города, живёт теперь уже в другой стране. Не стал кайзером, царём, президентом. Любит и пишет поэзию для детей и взрослых. И непременно хочет вернуться обратно. Иногда, долго отсутствуя и скучая по своей Петроградке, читает стихи других авторов о своём Питере. И как-то теплее становится у него внутри, там, где в крови навсегда осталась тёмная невская вода вперемешку с дождливыми каплями города. Его города. Его Питера.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Меня незнакомого
город обнимет заботой
ласковых улиц,
огнями вечерних домов,
тихо на ушко прошепчет:
«Откуда и кто ты?».
Я промолчу,
чтобы вспомнить друг друга.
Без слов.

Дмитрий Юртаев, поэт, прозаик, художник, дизайнер (Беларусь).